

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

МЕСТЬ СОЛНЦУ

МОСКВА
2 0 2 3

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г61

Иллюстрация на обложке — *Андрей Клепаков*

Головачёв, Василий Васильевич.

Г61 Месть Солнцу / Василий Головачёв. — Москва :
Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-184748-7

2078 год. Человечеству грозит катастрофа: Солнце с огромной скоростью теряет свою массу и вот-вот на Земле наступит ледниковый период. Виновник этого — искусственное солнечное пятно, созданное мегаинтеллектом из будущего. Исследовать его очень сложно: пятно затягивает в себя земные космолёты, и в нём их экипажи лишаются тел, а сознания зомбируются. Но русские спецназовцы способны не только воевать и ненавидеть, но и любить, и рисковать жизнью ради спасения других. Они могут найти выход из любого положения, а значит, у человечества есть шанс!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184748-7

© Головачёв В.В., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Локация 1

МЕРКУРИЙ

Вид на равнину был так великолепен, что Верзилин застыл, вбирая в себя сияние пластов металлической корки, горных пород и слюды, простиравшихся от сумеречной зоны Меркурия до не слишком далёкого округлого горизонта.

Когда-то считалось, что Меркурий всегда повёрнут к Солнцу одной и той же стороной. Однако ещё в конце двадцатого века выяснилось, что его период вращения вокруг оси равен пятидесяти девяти суткам, в то время как период вращения планеты вокруг светила достигает восьмидесяти восьми, поэтому поверхность Меркурия прогревается регулярно, температура на ночной стороне падает до минус ста семидесяти трёх градусов Цельсия, а на дневной поднимается до плюс четырёхсот двадцати семи, что превышает температуру плавления олова.

Поскольку диаметр самой близкой к Солнцу планеты едва ли не в три раза меньше диаметра Земли¹, то и гравитация меньше примерно в таком же диапазоне, и обслуживающему персоналу станций на поверхности Меркурия приходится адаптироваться к такому состо-

¹ Диаметр Меркурия равен 4974 км, или 0,38% земного.

янию, что, впрочем, не занимает много времени. Как правило, космолётчики-исследователи привыкают к лёгкости во всём теле за несколько дней.

Российская станция «Ирбис» была создана всего пять лет назад и располагалась на валу кратера Стравинского диаметром сто девяносто километров. Она имела три купола, объединённых переходами в красивый трилистник, и центральный шпиль, увенчанный десятком антенн разного профиля. Трилистник был окружён полем решёток радиотелескопа, и центральная башня играла в нём роль излучателя.

Кроме того, под кратером был выкопан огромный резервуар, заполненный жидким азотом, который служил антенной нейтринного телескопа.

В тот день, когда старший дежурный астрофизик Станислав Верзилин, специалист в области солнечного излучения, замер в восхищении от развёрнутого в главном виоме ландшафта (случилось это третьего января две тысячи семьдесят седьмого года), на станции работало шестьдесят шесть человек, а если считать вместе с экипажем корвета «Гелий», то и все семьдесят пять.

Был вечер (по среднесолнечному времени, отсчитываемому от нулевого меридиана Земли), конец рабочего дня, сотрудники разошлись по отсекам станции отдыхать, и заступивший на дежурство Станислав имел полное право любоваться пейзажем, благо в центре контроля, расположенном в башне, он в этот момент находился один, сменив прежнего дежурного.

— Добрый вечер, Станислав, — поприветствовал его кванк центра, являющий собой искусственный интеллект пятого поколения по имени Клавдий. — Как настроение?

— Прекрасное настроение, Клавдий, — очнулся Верзилин, деловито цепляя корону менара, с помощью ко-

торой мог общаться с компьютером мысленно. — Что у нас нового?

— Хотите прикол?

— Дай мне сначала сводку по всем параметрам.

— Ловите.

Сбоку от вириала управления центром в общем по-ясе виома откололся квадрат диалогового окна с цифрами показателей солнечного ветра и магнитных полей.

— Вижу. Что за прикол?

— Это как раз по теме: северный квадрант короны по цепи пятен сигма-три-аш сто сорок семь. Странно, что факел появился в тот момент, когда вы вошли. Видите крючок? Температура шесть сто. А внутри — пятно в форме птичьего глаза. Кстати, сразу упала температура, почти на двести градусов.

— Птичьего, говоришь? — хмыкнул заинтересованный Станислав.

Дал увеличение, выводя пятно в центр виома.

Окружённое зёрнами глобул, оно действительно походило на глаз грифа, выглянувший из преисподней хромосферы Солнца. Диаметр пятна достигал не меньше четырёхсот сорока километров, хотя по сравнению с другими пятнами оно было небольшое и заметить его смог только специально настроенный комплекс инструментов.

— Так, посмотрим, — пробормотал Станислав, принимаясь обрабатывать поступающую по запросам информацию о состоянии нового объекта.

Пятна на Солнце не появлялись просто так, им предшествовала подготовка в виде пучностей магнитного поля и падения массы лучевого переноса, поэтому внезапное рождение нового пятна, пусть и маленького по сравнению с масштабами светила, представляло интерес.

Ночь, хотя и условная в том отношении, что Солнце поднималось над сверкающим горизонтом гигантским пламенным шаром, окутанным космами протуберанцев, прошла для Верзилина незаметно. Он всё больше увлекался изучением «птичьего глаза» и всё больше убеждался в том, что тот не укладывается в рамки общепринятых теорий. Мало того, со станцией связались американские и китайские исследователи Солнца, базы которых располагались по соседству, и мнения всех специалистов сходились в одном: феномен с таким набором параметров не должен был сформироваться на родном светиле. А самым интересным следствием его появления было резкое падение температуры в районе образования пятна, там, где оно проклюнулось.

Тогда Станислав не выдержал и разбудил начальника станции, доктора наук Величко, и доложил ему об открытии, не глянув на часы. А было ровно шесть часов утра по независимому времени.

* * *

Капитан корвета «Гелий» Родион Поддубный умывался в своём одноместном номере станции, спрятавшемся в жилой зоне одного из лучей «трилистника», когда ему позвонил Величко и попросил по возможности «на рысях» прибыть в центр контроля. Недоумевая по поводу причин спешки и предполагая недоброе, Поддубный собрался за четыре минуты и в семь часов утра объявился в зале центра, где уже собрался учёный народ в количестве пяти человек. Среди них был и Величко, пятидесятилетний анахорет с бледным интеллигентным лицом, чёрными пронизательными глазами и чёрной, без единого седого волоска, шевелюрой.

Через несколько секунд стала известна причина вызова: надо срочно доставить группу исследователей в корону Солнца, в район, где обнаружено необычного вида пятно, обладающее сильнейшим — в сто раз больше фона поверхности светила — магнитным полем.

На выяснение всех обстоятельств столь спешного вылета ушло пять минут. Давал задание лично Евгений Величко, обладавший умением убеждать сотрудников базы и с помощью лаконичной завершённости речи увлечь их важностью решения возникших проблем.

— Всё поняли, Родион Егорович? — закончил Величко.

— Так точно, Евгений Павлович! — вытянулся Поддубный.

— С вами пойдут специалисты Горелов и Туманян. Инструкции по обследованию объекта получите от них. Есть подозрения, что к объекту полетят и американцы, поэтому действовать жёстко, но в рамках Конвенции о запрещении военных действий в космосе.

— Мы готовы. Разрешите идти?

— Доброго пути.

Поддубный повернулся через левое плечо и вышел.

Через десять минут он уже был на борту «Гелия».

Корвет являл собой чудо инженерной мысли конца двадцать первого века. Выполнен он был по трансформным технологиям с использованием параметрического дизайна и на стартовом поле под валом кратера выглядел красивой друзой переходящих друг в друга наплывов «жидкого металла» и хрустала.

Времена оставались сложными: гибридная война Запада и США с Россией, начавшаяся в начале века, по сути, так и не закончилась, разве что плавно перетекла из горячей фазы в кибервойну и технологическую гонку вооружений, а санкции с России так и не были сняты до

конца. Руководству страны приходилось напрягать усилия, чтобы выдерживать конкуренцию на всех фронтах, и друзья государства в виде армии, флота и космических сил приобретали всё более значимую роль. Тем более что всё чаще в Солнечной системе орудовали частные военные компании, не брезгающие пиратскими налётами на грузовые платформы. Поэтому космические корабли теперь строились с учётом активной защиты, и даже малые суда дедевейтом до тысячи тонн хорошо вооружались. На борту «Гелия» стояли батареи «Солнцепёка», новейшего комплекса РСЗО, ракеты которого достигали скорости до ста километров в секунду, а также лазерные системы «Пересвет» и скорчер — электрический излучатель мощностью в десять мегаватт. Вследствие же того, что корвет обслуживал российские базы на Меркурии и станции вблизи Солнца, его силовая защита позволяла ему приближаться к светилу очень близко, а при необходимости и окунаться в фотосферу звезды.

В четверть восьмого корвет пушинкой оторвался от стартовой площадки, включив антигравы, поднялся над изломанной скорлупой Меркурия и набрал скорость, направляясь точно к Солнцу, накрытый пузырьём защитного поля. Орбита планеты не была круговой, и в данный момент её и светило разделяло расстояние в пятьдесят два миллиона километров. При крейсерской скорости в десять тысяч километров в секунду корвету требовалось всего час пятнадцать, чтобы достичь Солнца, но Поддубный не хотел идти так долго и включил шпуг — систему двойного ускорения, чуть ли не вдвое сокращавшую время в пути.

Однако это не помогло. Когда уже подлетали к району расположения цепочки пятен на свето-плазменной поверхности светила, от беспилотной российской станции «Перун» стало известно, что первыми к объекту

прибыли американцы на шаттле «Форвард», недавно привёзшем смену на их базу «Бёрджесс», расположенную вдвое ближе, чем Меркурий.

— Зашквар! — прокомментировал ситуацию навигатор «Гелия» Саша Мизулин. — Успели-таки! Что будем делать, командир?

Поддубный помолчал, переживая неприятный момент.

Шесть членов экипажа, запакованных в ложементы вокруг центральной колонны виом-обзора, молча смотрели на него, повернув головы. Кресло капитана было чуть выше, и он мог видеть всех подчинённых. Ещё трое членов экипажа располагались в отдельных капсулах в недрах корабля, отвечая за свои технические зоны. Двое специалистов, о которых говорил Величко, тоже сидели в отдельных каютах, но могли связаться с рубкой в любой момент.

— Приблизимся, — сказал наконец капитан, — зависнем на высоте тысячи над факелом, пошлём дрон.

— Может, сделаем вид, что мы тут давно?

Поддубный поморщился.

— Ни к чему эти подставы.

— Да это я с досады, — виновато объяснил своё предложение Мизулин.

— Поехали.

Корвет устремился к цепочке пятен.

Так как Солнце вращалось вокруг оси со скоростью почти двух километров в секунду — на уровне фотосферы, надо было точно рассчитать сближение с ней и только тогда идти к цели. Но кванк корабля по имени Гелик, искусственный интеллект, легко справился с задачей, направив корвет к району с пониженной температурой.

Включилась поляризационная система фотозащиты. Виом, в настоящий момент представляющий собой сте-

ну из яркого пламени, потемнел, теряя накал до вишнёвого и багрового свечения.

Прошли хромосферу. Стали видны непрерывно меняющие форму гранулы конвективных ячеек на её «дне», каждая размером от тысячи до полутора тысяч километров. Приблизилась цепочка «настоящих» пятен, кажущихся дырами в солнечной плазме, пробитыми какими-то гигантскими пулями. Температура внутри каждого пятна была на тысячу, а то и на две тысячи градусов ниже фоновой, и края их казались цепочками острых игл.

Но не таким было открытое Верзилиным «малое» пятно, имевшее чёткие очертания. Его форма близилась к идеальному кругу, и лишь изредка по краям вспыхивали крохотные факельчики.

— Время оптимального погружения в данном районе составляет пятьдесят пять минут, — доложил компьютер, выдав очередь цифр. — Расход энергии — десять в седьмой.

— Держать базу! — напомнил Поддубный.

Это означало, что экипаж был обязан следить за изменениями полевой обстановки как снаружи, так и внутри корабля.

Экипаж ответил дружным: «Есть держать базу!»

Корвет снизился.

— Шаттл пошёл на посадку, — доложил Гелик.

— С ума они сошли, что ли?! — с недоумением воскликнул навигатор. — Какая посадка?! Это же просто слой плазмы!

— Даю видео.

В багровом поле фотосферы появилась светящаяся окружность нового диалогового окна, выделив район солнечной «поверхности» вокруг пятна. Скачком пятно увеличилось, занимая весь круг, потом ещё раз и ещё. Стала видна более тёмная, почти чёрная пластина пятна.

Космолётчики с удивлением примолкли, разглядывая образование, мало похожее на «дыры» в атмосфере Солнца, называемые солнечными пятнами. Перед их глазами соткался частокол острых шпилей разной высоты, образовавших нечто вроде неровной щётки. Только размеры этой «щётки» были в миллион раз больше своего земного аналога!

— Зашквар! — пробормотал Юра Морозов, кванковик корвета. — Я один это вижу?!

— Гелик, параметры!

— Получите, — ответил компьютер.

По квадратам оперативных экранов поплыла вереница символов и цифр: Гелик передал показания датчиков.

Температура «щётки» оказалась ещё на тысячу градусов ниже, чем фиксировали дистанционные измерители земных комплексов, а высота отдельных «ворсинок» достигала не менее десяти километров.

— Это не пятно, — бросил возбуждённый Мизулин. — То есть это образование вообще не имеет отношения к солнечным пятнам.

— Но оно всё-таки темнее, — сказал Морозов.

— Потому что его температура не больше двух тысяч градусов, а магнитное поле тем не менее больше, чем у любого пятна

— В сто раз! — хмыкнул оператор защиты корвета Щупов.

— Если это не солнечное пятно, то что?

— Искусственное сооружение! — со смешком сказал навигатор.

Разговор в рубке стихли. Космолётчики с удвоенным вниманием принялись рассматривать «щётку».

— Вижу шаттл! — доложил Гелик.

— Дай картинку.

Вариация окон виома на фоне «щёточного» частокола показала серебристую капельку американского ко-

рабля. В пламени солнечной фотосферы заметить его в полосе видимого спектра было невозможно, и компьютер, опираясь на данные локаторов, просто нарисовал изображение «Форварда» на фоне «щётки».

— Они что-то увидели, — снова заговорил Гелик. — Даю запись перехвата переговоров.

В рубке раздался тихий шелест эфира, шелчки, пошвыстывания и человеческие голоса. Говорили на английском языке:

— Правее... прямо под нами...

— Дырка?

— Колодец... диаметр тысяча... поле на узле сто семьдесят...

— Идём ниже...

— Потечёт защита...

— Надо послать дрон...

— Генри, выпускаем «птичку»...

— Оттуда что-то выползает...

Пятисекундная пауза.

— Год демент! Это гра... лядор... три мили... опуск...

Ещё одна пауза.

— ...дить! Немедленно! Генри — маневрируй... сто... на верши... стро!

Голоса пропали, и вместе с ним исчез фон передачи, порождённый сильнейшим штормом электромагнитных полей солнечной фотосферы.

— Увеличь! — напрягся Поддубный.

Капля американского шаттла выросла в размерах. Было видно, как вокруг неё выются чёрные струйки, объединяясь в решётчатый кокон.

— Связь!

— Пытаюсь, — ответил Гелик, бросая в недра Солнца гравитационный импульс.

Через несколько секунд пришёл ответ на английском:

— Кто говорит?!

— Корвет «Гелий», российское ведомство, — ответил Поддубный.

— Помогите выбраться! Нас держит какая-то сила, не даёт уйти!

— Врубайте шпуг...

— Отказала кванконика! Защита начинает глючить!

— Держитесь, идём! — Поддубный сделал жест пальцем затихшему экипажу. — Форсаж! Гелик, протокол ВВУ!

— Есть протокол ВВУ! — отозвался компьютер.

Корвет спикировал с высоты в тысячу километров к пятну, в глубины которого непонятная сила утаскивала американский космолёт. Вокруг просияли полотнища корональной вспышки, окружающие солнечное пятно. Заверещали датчики полей, предупреждая космолётчиков о всплеске электромагнитного поля. Изображение «щётки» начало передёргиваться судорогами, как голографическая картинка.

Капля шаттла приблизилась. Корвет приготовился состыковаться с шаттлом, но чёрная сеточка, оплетавшая американца, внезапно накрыла российский корабль, и видеосистема отказала: пояс виома рубки превратился в стеклянную стену.

— Командир! — крикнул навигатор...

* * *

Комиссар Космической погранслужбы России Баринов получил раскладку происшествий в районе Меркурия в тот же день, когда на Солнце пропали два корабля: российский корвет «Гелий» и американский шаттл «Форвард». Комиссар в это время начинал офлайнное совещание с руководителями подразделений, контролирующих пространство в радиусе миллиарда километров

от земного светила, и с непроницаемой миной выслушал доклад компьютера Российского Космического Союза (РКС).

Кроме происшествия с пропажей кораблей были отмечены четыре попытки подойти близко к Солнцу других планетолётов с экспедициями из разных стран, в основном — из Индии и Кореи. Все корабли прошли контроль международных пропускных пунктов как обеспеченные защитой и имеющие допуски Совбеза ООН, поэтому в дальнейшем их не искали. Между тем все четыре корабля приблизились к Солнцу на минимальное расстояние, и дальнейшее их положение осталось неизвестным. Мало того, Совбез ООН не объявил тревогу и вообще как бы забыл о существовании экспедиций, а космические агентства стран, чьи исследовательские платформы исчезли, также не заявили о своей обеспокоенности происшествием.

Баринов связался с секретариатом ООН в Новой Зеландии, поговорил с генсеком организации Пинкисевичем и закончил разговор словами:

— Понял, координатор! Будем работать.

После этого он начал совещание в режиме удалённого доступа, однако ни словом не обмолвился о происшествиях. Вернее, лишь упомянул пропажу корвета и сообщил, что причинами исчезновения «Гелия» занимается ФСБ.

Локация 2

ЗЕМЛЯ. СИМЕИЗ. ГОДОМ ПОЗЖЕ

Не хотелось вылезать из апертуры радиотелескопов Симеиза, разглядывающих дальний квадрант созвездия Лебедя, где была найдена ещё одна чёрная дыра, но компьютер был настойчив. И Мелентий Пре-

милов, старший оператор комплекса, щупленький очкарик тридцати двух лет от роду, кандидат астрофизических наук, недовольно вернулся в жизнь, сняв шлем дополненной реальности.

Он сидел в зале обсерватории, куда сводились все информационные линии наблюдений за ночным небом, один, в тишине, не обращая внимания на общий экран зала, превращавший купол в сплошной звёздный узор. А вызывал его искин комплекса по имени Смотрящий за Вселенной. Мелентий называл его короче — Смотряк.

— Чего тебе, дружище? — недовольно спросил он.

В небольшом операционном диалоговом экранчике напротив проявилось лицо мужчины с длинными седыми волосами — портрет Смотряка, каким его сделали конструкторы ИИ.

— Добрый вечер, Мелентий, — сказал искин ровным голосом; он умел и шутить, и смеяться, и показывать другие чувства, вписанные в программу поведения, но с Мелентием разговаривал всегда подчёркнуто серьёзно. — Сравнительные данные не совпадают с годовой статистикой.

Мелентий не сразу сообразил, о каких данных идёт речь.

— Объект?

— Солнце.

— Я не занимаюсь аналитикой Солнца.

— Данные поступили минуту назад, а вы дежурите. Посмотрите, пожалуйста, есть о чём думать.

— Давай, — неохотно согласился оператор.

Экран монитора перед ним с эффектом объёма воспроизвёл шар земного светила, покрытый обманчиво медленным, кипящим покрывалом плазменных ячеек, кое-где пронизанным протуберанцами и группами пятен. Поляризационные фильтры системы обзора позволяли смотреть на Солнце без очков, и глаза астрофизика

невольно загорелись восхищением: шар был великолепен!

Справа высыпались колонки цифр — основные физические характеристики звезды: диаметр, масса, светимость в эргах, объём, сила тяжести на поверхности, скорость вращения, состав атмосферы и верхних слоёв. Число, показывающее массу Солнца, мигало красным.

— Не понял. Что тебе не нравится?

— Масса Солнца изменилась.

— Естественно, она и должна меняться каждую секунду согласно пекулярному переносу.

— Изменился темп сброса излучения. Месяц назад, после полугодовых итогов, он был на порядок меньше.

— На порядок?! — не поверил Мелентий, впиваясь взглядом в показания контроля.

— Отчёт перед вами.

Действительно, по выводу системы мониторинга солнечного излучения выходило, что земное светило стало терять массу намного быстрее, чем позволяла стандартная модель ядерных процессов на звезде, по сравнению с такими же параметрами месяцем раньше. И процесс этот не изменялся в течение уже двух последних часов.

— Что за бред?! Можешь объяснить?

— Кто-то сосёт наше солнышко, как телёнок корову. — В голосе искина послышались нотки сарказма.

Мелентий снова удивился, теперь уже тону собеседника. До этого момента Смотряк не отваживался разговаривать с ним в шутовском тоне.

— Какую корову?! — не понял ошеломлённый оператор.

— Не знаю, — бесстрастно ответил искин. — Большую.

Заинтересовавшись, Мелентий быстро сравнил данные наблюдений за Солнцем за последние пять лет.

Масса светила, рядовой жёлтой звезды типа G2, равнялась двум миллиардам миллиардов миллиардов миллиардов тонн и убывала в связи с излучением на одну миллиардную долю процента в год¹. Вернее, должна была уменьшаться с такой скоростью. Но Смотряк забеспокоился не зря: за последний год скорость потери массы действительно возросла почти на порядок, и это обстоятельство не могло не быть пропущено искусственным интеллектом Симеизского астрофизического центра, анализирующего состояние ближайших к Земле звёзд. Одной из них было Солнце.

Молодой астрофизик запустил систему мониторинга солнечной активности по минутам (она получала информацию от компьютеризированных систем спутников на орбите Меркурия, ближайшей к Солнцу планеты) и связался с Валентином, соседом «по палате», сидевшим в другом зале. Захотелось разобраться в проблеме до конца, несмотря на то что она находилась вне поля его интересов.

Конечно, следовало сразу созвониться с учёными, занимавшимися Солнцем непосредственно, однако Валентин, человек мудрый и дальновидный, работал на многих обсерваториях России и мира, знал много и мог посоветовать коллеге, что делать, хотя проблемами Солнца он тоже не занимался, исследуя свой участок неба в направлении на Стрелец А — центр Млечного Пути.

— Не спишь? — спросил Мелентий, увидев в очках связи лицо товарища.

— Думаю, — ответил астроном, узколицый, худой, с модной полубритостью на щеках. — Тут одна проблемка нарисовалась, в Андромеде.

— У меня тоже нарисовалась.

¹ Масса Солнца равна 2×10^{30} в тридцатой степени кг.

Мелентий рассказал приятелю о сообщении искина.

— Ну и что? — спросил Валентин. — Ничего особенного, совпали какие-то циклы солнечной активности, восьмилетние с двадцатилетними и ещё какими-нибудь, вот оно и похудело. Забей!

— Ну спасибо за совет! — фыркнул Мелентий. — Тут серьёзные дела разворачиваются, а ты — забей! Да и не совпадают в данный момент никакие солнечные циклы, я проверил. По данным мониторинга, сброс массы просто потрясающий!

Валентин помолчал.

— А что говорят солнечники?

— Я сначала к тебе решил обратиться.

— Странно это всё. Но если спецы молчат, это вовсе не значит, что они ничего не знают о процессе.

— Хочешь сказать, что они забили, как ты мне советуешь? — хмыкнул молодой астрофизик.

— Удивительно другое: почему искин забеспокоился и обратился к тебе, а не напрямую к солнечникам.

— Смотряк на этот вопрос ответил, что обратился ко мне из-за того, что я дежурный.

— Тогда делай всё по инструкции: запиши донесение Смотряка в журнал, позвони спецам по Солнцу, тому же Лещинскому или напрямую Доброву, и... — Валентин хихикнул, — забей!

Мелентий невольно рассмеялся.

— Ладно, так и сделаю. Ну а сам-то что думаешь?

— Чёрт его знает, неожиданное приходит неожиданно, как утверждают философы. Может быть, ты сделал какое-то открытие, с чем и поздравляю.

— Не я — Смотряк, — простодушно возразил Мелентий.

— Но зацепился за цифры ты?

Мелентий поиграл мышкой кванка, кивнул.

— Доброй ночи.

Огненный шар Солнца в апертуре экрана повернулся, и на человека глянули два пятна на его экваторе, похожие на зрачки нечеловеческих глаз.

* * *

Сообщение об открытии странного похудения Солнца облетело весь астрономический мир со скоростью молнии. Заинтересовалось явлением и Агентство космических исследований России, хотя и не первым, несмотря на то что открытие сделал сотрудник Симеизской обсерватории Мелентий Премилов. Такова загадочная природа русского человека: долго запрягать, а потом с гибельным восторгом гнать лошадей, чтобы опередить ускакавших вперёд конкурентов.

В Московском центре астрофизических проблем, расположенном на Берсеневской набережной, состоялось совещание специалистов, изучающих земное светило, естественно, на удалённом доступе, что давно вошло в норму. Компьютерные системы видеосвязи позволяли легко общаться людям на разных континентах в режиме реального времени. Таким образом, в прекрасно оборудованном, хотя и небольшом, зале заседаний и конференций Центра собрались за одним столом двадцать шесть человек с докторскими и кандидатскими степенями, хотя физически присутствовали только трое: директор Центра академик Добров, его заместитель, специалист в области изучения планет Солнечной системы, доктор физико-математических наук Смоленский и Парфентий Миранда, глава Плесецкого центра экспериментального оперирования в космосе (ЦЭОК), кандидат астроинженерных наук и ветеран КОСПАС — Службы космического спасения. Остальные специалисты в данный момент находились на своих рабочих местах, а то и вовсе оторвались от отдыха, если учесть

служащих ЦЭОК на восточных рубежах страны, на Камчатке и на Сахалине.

Главный доклад сделал начальник Симеизской обсерватории Шошин. Ему пошёл девяносто пятый год, но это был ещё крепкий старик с благородной сединой в «эйнштейновской» шевелюре и лицом священника. Говорил он медленно, взвешенно и в первую очередь похвалил сотрудника обсерватории Мелентия Премилова, что говорило в пользу благих намерений этого ветерана дистанционной космической разведки, не забывающего о своих подчинённых.

После его речи начались выступления учёных, вспомнивших странные происшествия на Солнце год назад, когда было открыто необычное солнечное пятно и полетевшие изучать его американский и российский корабли просто исчезли, не успев даже послать сигналы SOS. Найти их не удалось до сих пор.

Воспоминания неожиданно переросли в жаркие споры о том, что делать в данной ситуации. С одной стороны, за Солнцем велись круглосуточные наблюдения как с Земли, так и с поверхности Меркурия, на котором были телескопы разных систем, а также с помощью группировки станций, расположенных в непосредственной близости от светила.

Досталось и службе мониторинга земного светила, которая обязана была следить за его состоянием и реагировать на изменения его активности. Оказалось, что компьютеры каждый месяц исправно докладывали руководству Астрофизического совета об уменьшении светимости Солнца, однако они почему-то «ложились под сукно», как съязвил старейший российский специалист по Солнцу стодвухлетний Леонид Кудрявцев. То есть о «похудении» светила знали только искины Центра да те таинственные деятели, которые прятали доклады.

— Федеральным службам надо разобраться, кто виноват и в чём дело, — предложил Шошин, — и определить виновных в сокрытии результатов мониторинга.

Идею подхватили и остальные участники совещания, усмотревшие в происшедшем «конспирологический заговор» неведомых недобрых сил. Тем более что в Сети уже появились снимки Солнца с группами пятен, которые, по мысли уфологов, выглядели «неестественно», что и заставило специалистов заговорить об их «искусственном происхождении». После этого в зале совещаний зазвучали голоса молодых астрофизиков, предлагающих направить к Солнцу специальную экспедицию.

Победила именно эта точка зрения — о посыле экспедиции, и мешали вынести общее решение всего два обстоятельства: первое — выбор района с пятнами, что требовало дополнительных исследований, второе — отсутствие свободной для рейда техники.

Зонды, защищённые от солнечного излучения, уже существовали. До фотосферы Солнца, то есть чуть ли не до самой кипящей ячеистой поверхности светила, опускались даже американские шаттлы, китайские «синастры» и российские корветы. А на стапелях Калининградской верфи уже готовился к запуску в космос «солнцеход» — модуль, способный погружаться даже до глубин конвективной зоны — больше десяти тысяч километров.

Предложение о формировании экспедиции прокомментировал директор ЦЭОК. Парфентий Миранда был массивен, лыс, обладал бугристым черепом и мощными бровями.

— Не спешите искать зелёных человечков на Солнце, — сказал он с иронией, оглядев аудиторию. — Сначала надо проанализировать феномен и удостовериться в его существовании. Кроме того, не мешало бы вспом-

нить о бритве Оккама¹ и найти естественную причину эффекта.

— Но ведь наши модули уже были на Солнце? — напомнил кто-то из присутствующих молодых учёных.

— На границах хромосферы, — сказал Миранда, — сейчас работают два десятка разных баз.

— А «солнцеход» может опускаться в конвективную зону.

— Что из этого следует?

— Его можно будет послать для проверки наших тезисов, — не отставал молодой человек. — В качестве ходовых испытаний.

— Допустим, — кивнул Миранда.

— Тогда я согласен лететь!

Зал ответил овациями и смехом.

Но приступить к немедленному формированию экспедиции помешали как необходимые дополнительные измерения солнечной активности, так и раскачка российских чиновничьих структур, мало заинтересованных в развитии науки из-за отсутствия прямого личного обогащения. Прошло несколько дней, прежде чем двадцать девятого сентября запрос на проведение конкурса программ экспедиции наконец-таки дошёл до правительства страны. Результаты анализа похуждения Солнца действительно требовали инструментального подхода к изучению «эффекта коровы», как уфологи стали называть открытие, полагая, что некие пришельцы подцепили к солнышку шланг, как будто это была корова, у которой надо надоить молока. Вопрос, какое «молоко» при этом доили инопланетные «доярки», так и остался открытым. Похоже было, что выкачивали солнечную плазму — смесь почти чистого ионизированного водо-

¹ Не умножай сущностей больше необходимого, то есть ищи сначала простые решения проблемы.

рода и гелия. Но процесс продолжался и требовал объяснений.

Заторопилась и Федеральная служба безопасности России, узнав, что многие богатые страны планируют свои экспедиции к Солнцу: в первую очередь Китай, а за ним Индия и Европейский Исламский Союз во главе с Францией. После недолгого совещания у президента страны к решению проблемы посылка учёных к Солнцу присоединились редкие оставшиеся бизнес-структуры, лояльные государству, и дело пошло быстрее.

Уже через два дня модуль солнцехода был запущен в космос, провёл испытания и сел на Плесецком космодроме, чтобы взять на борт делегацию учёных. Имя ему дали гордое — «Победитель огня», а управлял кораблём искусственный интеллект, кванк по имени Страга.

Локация 3

ЗЕМЛЯ. РОССИЯ

Внезапный вызов к начальству ничего хорошего никогда не сулил, но Флора Дрёмова, командир группы особого назначения ЦЭОК (звание — кос-майор), вызову обрадовалась. Причина у неё была, однако делиться ею со своими подчинёнными и приятельницами она не стала. Свой интерес к развивавшейся в последние дни проблеме с «дойкой» Солнца она тщательно скрывала. Поэтому заявила она пред светлые очи полковника Лаврентия Климука (глаза у него действительно были необычайно светлыми, словно сделанными из прозрачных кристаллов хрусталя) в режиме удалённого доступа, естественно, точно в назначенное время: было ровно десять часов утра первого октября.

Пятидесятилетний Лаврентий Павлович Климук, начальник бригады обеспечения безопасности Центра, до этого служил в Косконе, контрразведке ФСБ, но после трагедии на Марсе, где он едва не погиб, провалившись в сеть подземелий красной планеты, перешёл на службу в ЦЭОК и за несколько лет превратился в гаранта безопасности экспедиций, планируемых Российским Космическим Союзом. Субличного телосложения, невысокий (метр восемьдесят — не рост для мужчины, как считалось в мире), сухощавый, с гладким морщинистым лицом, он тем не менее обладал жёстким характером, и сослуживцы его побаивались. Он мог и выругаться, и послать не справившегося со своими обязанностями бойца очень далеко.

Обычно он не начинал речь с прелюдий и сразу предложил Флоре возглавить группу спецназа, которая должна была сопровождать экспедицию на Солнце.

Если честно, она давно ожидала, что на неё падёт выбор начальника, предложившего командовать отрядом, потому что предприняла кое-какие шаги для обеспечения этого назначения. Тем более что в данный момент Флора занималась рутинной работой на Луне, обслуживая российскую базу «Селена-2», и надеялась, что на неё обратят внимание. Вызов подтвердил надежды, и она с превеликим удовольствием согласилась.

Флоре исполнилось тридцать лет. Высокий рост (метр девяносто пять) и развитые плечи превращали её если не в баскетболистку, то в волейболистку. Сотрудники ЦЭОК редко видели на овальном лице женщины улыбку, но и отвести глаз от него было трудно, так как Флора являла собой образец красоты, достойной любого подиума. И точно так же на мужчин Центра действовала фигура безупречных линий, данная ей природой: никакими биоизменениями она не пользовалась. Однако ха-

раκτηр у «железной леди», как её нередко называли, не давал шанса ни одному сотруднику ЦЭОК приблизиться к ней хотя бы на «расстояние дружеского приветия». Она не прощала ни попыток ухаживания, ни попыток знакомства, ни тем более ошибок подчинённых. Хотя при этом никто не жаловался, а многие не только уважали, но и обожали своего командира.

О личной жизни кос-майора знали только то, что она не замужем, и это было всё, что можно было выяснить из присутствия Флоры в соцсетях. Она ничего не выкладывала ни на одной платформе общения. Лишь один человек мог похвастаться тем, что он видел на губах Флоры улыбку. Но это был сам Лаврентий Климук, с которым она познакомилась ещё в космической разведке. Полковник и сам улыбался редко, показывая неожиданные тёплые ямочки на щеках, но это случалось архиредко, в исключительных случаях, если кому-то вдруг удавалась шутка. Впрочем, никто не был свидетелем проявления эмоций и Флорой. Ей достаточно было просто посмотреть на человека, чтобы тот взял под козырёк и побежал исполнять любое распоряжение майора.

У женщины были чёрные блестящие волосы, и ей хорошо бы подошла современная причёска типа «тайфун», однако никаких новомодных причёсок она не носила, в отличие от многих девушек на службе, нередко украшающих головы тату-узорами или «фонтанами» самых фантастических форм, и предпочитала обычную смарт-стрижку типа каре.

Второго октября она с группой из семи спецназовцев прибыла на Плесецкий полигон, где их познакомили с экипажем солнцехода и учёными, назначенными в исследовательский отряд.

Командира корабля Олега Соловьёва Флора знала хорошо. До своего назначения на солнцеход Олег рабо-

тал в СПАС-центре на Венере и участвовал в спасении индийской экспедиции, попавшей под выброс серного вулкана. Знала она и навигатора корабля Степана Нагорного, с которым встречалась год назад на Меркурии, где строилась российская станция. Остальные члены экипажа знакомы ей не были. Группу провели по отсекам модуля, по сути, представлявшего собой космический корабль с улучшенной защитой, управляемый новейшим кванком по имени Страга.

К этому времени в мире произошла третья техническая революция, основанная на создании материалов с заданными свойствами — их часто называли «жидким металлом», — что позволяло создавать роботов любой формы и строить сооружения в космосе любой сложности, да ещё и пользоваться технологиями 3D-печати. Стали применяться и технологии параметрического дизайна и фрактального выращивания, что сказалось на геометрии космических объектов. «Победитель огня» выглядел как своеобразный кентавр, имеющий торс, а вместо ног — четыре «плавника», поддерживающие сложный корпус. И при этом он был невероятно красив, вызывая дрожь восхищения и удивления у зрителей, не понимающих, как такое сооружение размерами с авианосец может казаться совершенным.

Внутренние интерьеры солнцехода в общем техническом предназначении были Флоре знакомы. Она летала на всех видах транспорта, в том числе на баржах, доставляющих полезные ископаемые с астероидов (одним из самых ценных видов был обыкновенный лёд), на яхтах и на военных кораблях от корвета до эсминца и крейсеров, имеющих все удобства для экипажей, а не только для пассажиров. Российские суда строились с учётом комфортной работы для всех людей на их борту,

и практически все внутренние интерьеры космических сооружений России мало отличались друг от друга.

Тем не менее Флора и её бойцы обследовали солнцеход «от кия до клотика» — по образному выражению старпома «Победителя огня» Ивана Пархоменко, чтобы знать все его скрытые особенности. После этого всех подсоединили к сети интеркома модуля, и они могли общаться с экипажем солнцехода, а также с начальником экспедиции, доктором астрофизики Сулейменом Ковальчуком, и с капитаном «Победителя».

Торжественных проводов не планировалось. Экспедиция собиралась не ради «торжества лагеря ШОС в деле покорения космоса», а для решения конкретной задачи. Но эта задача касалась всех жителей Земли и Солнечной системы, поэтому ею заинтересовались многие космические структуры разных стран. В ЦЭОК стало известно о подготовке индийской и китайской экспедиций, и президент России дал указание поспешить.

«Победитель огня» стартовал с Плесецкого космодрома в двенадцать часов по местному времени. Космические корабли давно перестали пользоваться химическим топливом, используя антигравитационные технологии, и старт модуля не произвёл среди редких провожающих особого впечатления. Обменявшись репликами, Лаврентий Климук и Парфентий Миранда вернулись в центр управления.

— У вас нет настроения, Лаврентий Палыч? — заметил Миранда, когда оба зашли в кабинет директора.

— Конечно нет, — буркнул Климук. — Не могу представить, кто может откачивать солнечную плазму такими темпами и зачем. Это какие же могучие технологии должны иметь инопланетяне?

— Инопланетяне ли, вот вопрос.

— А у вас есть другие варианты?

— Нет.

— Может быть, мы ошибаемся, а на деле проявился какой-то ранее неуловимый эффект? И никаких зелёных человечков нет?

— Хотелось бы верить, — вздохнул Миранда.

Локация 4

СОЛНЦЕ

Когда Гриша Лютаев предложил Терентию присоединиться к группе, собравшейся в путешествие по Солнечной системе на яхте «Синтрейл», молодой биохимик вздохнул с облегчением. В противном случае ему пришлось бы выдумывать другой способ попасть на борт яхты, а приглашение приятеля сразу решало проблему. О том, что он собирается отдохнуть подальше от Земли, Терентий напоминал Грише не раз, попросив выбрать место по душе, и креативная идея соседа по жительству — квартиры обоих располагались в одном и том же доме, на одном и том же этаже — подходила по всем параметрам. По планам турагентства яхта «Синтрейл», принадлежавшая известной египетской турфирме «Меркава», славившейся комфортным обслуживанием по формату «всё включено», должна была пройти маршрутом «Луна — Венера — Меркурий — Солнце» — и последний пункт её вояжа интересовал Терентия больше всего. Задание разобраться с земным светилом он получил ещё год назад, и теперь появилась возможность исполнить приказ начальства.

Ему исполнилось двадцать восемь лет. Это был крупнотелый добродушный увалень, с виду и по манере поведения никогда не занимавшийся спортом. Терентий окончил биофак Дальневосточного универа (ДВУ) и уже три года работал в Магаданском восстановительном

центре, разводившем мамонтов и морских обитателей, исчезнувших в результате деятельности человеческой «цивилизации». После того как люди научились менять себе утраченные или больные органы на здоровые, стало модно выращивать вообще не присущие телу человека, такие как третьи руки, глаза, кошачьи уши и многое другое. Терентий же ещё в универе увлёкся биоскринингом — разновидностью киберспорта и даже стал чемпионом края по биолангу, победив в самом престижном виде этого спорта — нанохакинге, опиравшемся на скоростное выращивание биомехов с помощью нанотехнологий. Разумеется, он прекрасно владел цифрогоном и мог подолгу работать с кванками в режиме «один на один».

В отличие от Гриши Лютаева, с которым Терентий дружил уже лет десять, он не хотел усовершенствовать организм ни с физиологической точки зрения, ни с биометрической, хотя под нажимом руководства вшил себе кое-какие гаджеты: «вшинник» — устройство пси-защиты, нанорезерв в позвоночнике и кое-что потоньше. При росте в метр девяносто шесть он вполне мог заниматься спортом, к примеру волейболом, но спорт его никогда не интересовал, хотя природа подарила Терентию неплохую фигуру, которую портили только слишком толстые (на взгляд Гриши) ноги. Гриша предлагал ему «отцифровать» не только икры, но и брюшной пресс, а потом, когда Терентий сказал ему, что не собирается участвовать в ЛГБТ-оргиях, — хотя бы нос, придав ему «греческий» контур, но Терентий отказался и от этого. Сам Гриша изменил не только нос, но и брови, и уши, и даже нарастил крутые мускулы, но девушек это привлекало ненадолго. У Гриши был слишком лёгкий характер, и его легкомысленность надоедала им быстро.

Что касается женского пола, то девушка у Терентия была — сотрудница центра, — однако она в последнее

время увлеклась биопротезированием, заменила себе лёгкие для долгого пребывания под водой (она занималась дайвингом), затем объявила Терентию, что, если он не сделает то же самое, они расстанутся, и чувства парня поостыли.

Сбор тургруппы состоялся утром по времени Мурманска двадцать первого февраля. К этому времени Терентий взял положенный ему за год труда отпуск, сдал свою работу начальству и ощутил прилив бодрости и позитивной энергии в предчувствии интересного путешествия.

Всего в группу вошло двадцать человек, из них восемь — женщины разного возраста. Терентий удивился, когда узнал возраст старшей туристки — немки Эльвиры Бернштайн: ей исполнилось восемьдесят лет. Но выглядела эта любительница острых ощущений вполне здорово, до деменции, поразившей Германию в середине века, ей было далеко, и вела себя фрау Эльвира, как называл немку гид — живой трапписта (не искин) Жозе Мануэль Бартоломео, совершенно адекватно.

Но были в группе и представительницы женского пола намного моложе и симпатичнее. Одна из них, Галима Шарли, была француженкой в четвёртом поколении (её предки в начале двадцать первого столетия пересекли Средиземное море и нелегально поселились в Италии, откуда чуть позже переехали во Францию, которая к две тысячи пятидесятому году превратилась не просто в прибежище беженцев из Азии и Африки, а вообще стала Евроисламским патриархатом). Галима приглянулась Григорию, и он даже попытался завязать с ней знакомство. Пока яхта добиралась с французского космодрома Кура до Луны, приятель Терентия успел представиться дамам (с Галимой летела «настоящая» француженка Вивьен), рассказать несколько историй из своей богатой приключениями жизни — и надоел им до такой степе-

ни, что девушки начали сторониться «казаха», каким он им представился.

В этом вопросе Терентий вполне понимал Гришу. Несмотря на потепление отношений между европейцами и россиянами (больше половины санкций в отношении России так и остались преградой для дружбы), холодок между народами Европы и России сохранялся: русским туристам часто напоминали об их «агрессии», потому что после Украины пришлось дефашизировать и страны Прибалтики, что заставило НАТО пойти на попятную, дезавуировав провокационные заявления сошедших с ума европолитиков.

На Луне яхта «Синтрейл» не задержалась. Туристы осмотрели пару кратеров, имеющих пещеры под ними, явно проложенные гостями Солнечной системы тысячи лет назад, и полюбовались на музей под открытым небом, сооружённый американцами в районе посадки единственной реальной экспедиции корабля «Аполлон-17» в тысяча девятьсот семьдесят втором году. Остальные якобы «посадки» оказались постановочными съёмками, призванными убедить мировую общественность в превосходстве американской «нации».

После часового путешествия туристов на луноходе вокруг музея, в течение которого почти все восхищались «высокими технологиями» лжи США, яхта отправилась дальше, к Венере, второй планете Системы.

Разумеется, Терентий, как многие образованные люди, знал характеристики планеты, выделяющие её среди остальных спутников Солнца, но ещё ни разу на поверхности Венеры не бывал. Станции и базы на ней появились ещё в середине века, однако высокая температура толстой углекислой атмосферы Венеры (до четырёхсот пятидесяти градусов Цельсия), частые кислотные ураганы и сернистые вулканы заставляли исследователей подходить к проблеме обеспечения безопас-

ности очень серьёзно, и туристов до семьдесят пятого года на планету не пускали. Но после создания земными учёными и инженерами сети метро — мгновенного транспорта (термин «метро» подходил для него как никакой другой) — на всех планетах Системы начали как грибы расти отели и развлекательные центры. Особенно преуспели в их создании китайцы и турки, которые ещё десять лет назад успели запустить на орбиту вокруг Венеры гостиницу «для экстремалов» под названием «Турмажор».

Яхта причалила к сложному кристаллу гостиницы, туристы пересели на борт модуля «Пакмак», не боящегося ни ураганов, ни кислотных дождей, ни других космических катаклизмов, и модуль окунулся в закрытую от солнечных лучей толстым слоем облаков шубу атмосферы Венеры, в которой ещё сорок лет назад была открыта бактериальная жизнь.

Маршрут венерианского турмодуля пролегал мимо двух вулканов и дотянулся до горного кряжа, имевшего название Урановая Голконда (здесь были найдены урановые руды) — в соответствии с названием местности писателями Стругацкими. Налюбовавшись на тусклые жёлто-коричневые ландшафты, блестящие полосами слюды, группа вернулась в отель. На следующий день, двадцать четвёртого февраля, яхта отправилась к Меркурию.

Так как это был прогулочный рейд и туристы никуда не торопились, развлекаясь на борту «Синтрейла» видеоиграми, алкоголем и созерцанием космических просторов, то к ближайшей от светила планетке яхта прибыла только двадцать шестого февраля. И гид похода Жозе Мигель Бартоломео сразу предложил отправиться к Солнцу, не финишируя на Меркурии.

— Появилась новая инфа, — возбуждённо сказал он, собрав всех в зале визинга яхты. — На Солнце об-

наружены необычные пятна, подозреваемые в искусственном происхождении, и мы можем полюбоваться на одно из них. Только придётся доплатить за изменение маршрута. Возражения есть?

Возражений не было. Молодые туристы, которых было большинство, согласились на все условия. Пришлось и Терентию с Гришей присоединиться к ним, чтобы не выглядеть если не трусами, то лохами.

Совещались в зале визинга, сидя в удобных уютных креслах, поэтому всем казалось, что они в полной безопасности, беспокоиться не о чем, и о последствиях никто не думал. Но гид всё же спросил, убедившись в положительном решении группы лететь «прямо на Солнце»:

— Нас могут не подпустить близко, риск велик, поэтому прошу всех подписать протокол качества безопасности.

— СРАМ? — рассмеялся Григорий.

— СРАМ, — с улыбкой кивнул Жозе Бартоломео.

Аббревиатура означала статью инструкции под названием «сведение риска к абсолютному минимуму», и соблюдать её рекомендации должны были все путешественники.

— Подпишем! — сказал Гриша, не оставлявший надежды на взаимность со стороны француженки. — Лишь бы команда яхты не спасовала.

— Капитан дал добро.

— Ну, тогда всё в порядке. Сюда кто-нибудь залетал из туристов?

— По моим сведениям, никто.

— Тем более надо поставить официальный рекорд.

Помещение заполнили весёлые возгласы пассажиров, неожиданно получивших доступ к ещё одному развлечению.

— Только прошу надеть «кокосы», — добавил Жозе Бартоломео.

— Не обязательно, — отмахнулся Гриша, видя, что его бесшабашная реакция нравится Галиме. — Яхта защищена не хуже военных кораблей.

Неизвестно, подействовали ли на туристов его слова, но переоделись в компенсационные костюмы спасателей (так расшифровывалась аббревиатура «кокос») далеко не все путешественники. Во всяком случае, ни Григорий, ни француженки, ни фрау Эльвира надевать защитные спецкостюмы не стали.

Терентий же, привыкший к трудовой дисциплине работающего вживую центра в Мурманске (плюс некоторые внутренние причины), переоделся. С минуту уговаривал приятеля сделать то же самое, потом отстал.

«Синтрейл» включил шпуг, развив скорость до трети скорости света, приблизился к Солнцу и завис на орбите исследовательских станций через два часа. Так как после объявления гида и отказа от посадки на Меркурий яхту не остановили, Терентий сделал вывод, что соответствующие органы Солнечной системы, отвечающие за безопасность космоплавания, не увидели нарушений в этом маневре. До солнечной хромосферы оставалось около пятисот километров, ниже опускались только беспилотные аппараты, но и этого расстояния вполне хватало, чтобы оценить масштабы звёздных процессов. С Земли родное солнышко казалось небольшим ярким пузырьком размером с дыню, с поверхности Меркурия — сферой пламени диаметром с жюльверновский воздушный шар, однако с расстояния в полтысячи километров это была просто стена кипящей гранулированной плазмы, смотреть на которую без светофильтров было невозможно.

В зале визинга наступила тишина.

Туристы с благоговейным восхищением рассматривали поверхность звезды, давшей жизнь человечеству, и молчали, изредка обмениваясь тихими репликами.

Система обзора яхты отлично справлялась с потоками света, притушив накал хромосферы Солнца, и даже выделила на нём детали: факелы, петли, протуберанцы и пятна. Пятен было много, и Терентий почувствовал смутное беспокойство от этой россыпи «веснушек». Подумал: как лицо больного корью, прямо настоящая сыпь. Хотел обратить на это внимание Гриши, но заговорил гид:

— Есть предложение спуститься ниже, прямо к самым подозрительным пятнам. С небольшой доплатой. Возражения будут?

— А нас не погонят отсюда? — спросил кто-то из мужчин постарше. — Мне говорили, что зона охраняется пограничниками, а у пятен работают экспедиции.

— Мы им не помешаем, капитан гарантирует безопасный крюк. Но придётся доплатить.

— Доплатим, — донесли голоса.

— В таком случае поехали.

Яхта развернулась носом к пламени и начала спуск.

* * *

Яхтой управлял экипаж турецкого космофлота в составе одиннадцати человек, не считая трёх живых стюардов, обслуживающих наравне с ботами пассажирскую палубу. Капитаном корабля был тридцатисемилетний Кобол Чаужоглу, опытный космен, облетавший чуть ли не всю Солнечную систему вдоль и поперёк. Способности гида уговаривать подопечных доплачивать за новшества и смену маршрута он знал хорошо, поэтому не чувствовал дискомфорта, получая от усложнения плана полёта не только эстетическое удовольствие, но и дополнительную цифровалюту.

Нырнуть в солнечную атмосферу яхте разрешили только со второго раза, когда он пообещал дежурному

оонового Космобеза «отблагодарить» его, и «Синтрейл» наконец окунулся в хромосферу светила и двинулся к группе «подозрительных» пятен, над которыми действительно висели четыре беспилотных «Пакмака», то и дело десантирующие дроны помельче в недра Солнца.

По закону соблюдения открытости космоса земные космические суда должны были поддерживать все доступные виды связи постоянно, поэтому экипаж яхты мог слышать рабочие переговоры в районе Солнца. Радиосвязь здесь вследствие мощных перепадов магнитных полей работала плохо, гравитационные волны из-за большой массы Солнца тоже искривлялись произвольным образом, и компьютер яхты включил интерком в диапазоне нейтринных потоков. Стали слышны тихие реплики специалистов на бортах кораблей и свисточки сверхскоростных бесед беспилотных аппаратов.

— Помягче, Валик, — услышал капитан яхты передачу на русском языке.

Ему ответили:

— Стараюсь.

Потом заговорили на английском, позже на китайском и снова на английском: к цепи пятен было послано не меньше пяти специальных модулей с ядерной защитой, и учёные обсуждали свои проблемы. Кто-то сыпал цифрами — очевидно, читал донесения дронов, кто-то пел, кто-то шутил, но были слышны и осторожные советы не подходить куда-то слишком близко. Не только туристы никогда не бывали в такой близости от Солнца, но и специалисты тоже, поэтому их чувства, укладываемые в диапазон от восторга до страха, можно было понять.

Яхта окунулась в хромосферу светила, и зал полностью погрузился в световой шторм: миновали нечто вроде гигантского факела диаметром, наверно, больше

Юпитера. Корабль трянуло. Послышались вскрики и шутки.

— Здорово, да?! — повернулся к Терентию Гриша. — Мы плывём в океане пламени!

— Вообще-то мы зря рискуем, — ответил Терентий рассудительно. — Могли бы просто послать дрон.

Григорий рассмеялся.

— Кто не рискует, того не любят девушки. Как вам пейзаж, Галя? Безумно красиво, правда?

— Страшно! — покачала головой француженка.

— Ничего, через пять минут вернёмся, — поспешил успокоить девушку гид. — Посмотрим на пятна — и обратно.

Яхта нырнула сразу на тысячу километров.

Система видеозобра «Синтрейла» скорректировала яркость изображения, и под кораблём в оранжево-золотой каше солнечных гранул протаяла дыра в форме многолучевой звезды. Диаметр звезды, лучи которой непрерывно танцевали, то удлиняясь, то укорачиваясь, достигал четырёхсот километров, и когда компьютер показал часть объёма провала багрового цвета, стало видно, что это не дыра, а нечто, напоминающее поверхность щётки. Её шипы тоже всё время шевелились, вырастая или уменьшаясь, отчего казалось, будто странное образование дышит.

— Похоже на заросшее травой поле для гольфа, — сказал Григорий. — Только трава пожухла.

— Это не трава, — заметил сосед Гриши, бородатый седой бельгиец по имени Ванхузе. — Скорее всего, потоки плазмы.

— Или магнитные силовые линии, — добавил кто-то.

— Вообще-то магнитные линии изгибаются петлями, — авторитетно заявил гид. — А эти торчат как ворсинки щётки. Капитан, что скажете?

— Судя по переговорам исследователей, — ответил Кобол Чаужоглу, — они сами не знают, что это такое. Всё, что я понял, — пятна такими не бывают.

— Чтобы сказать это, не обязательно надо было лететь на Солнце, — язвительно проговорил Ванхузе.

— Непонятная штукавина, — сказал другой бородач из группы, мрачноватого вида. — Я таких пятен не видел.

— Ещё они говорят, что объект похож на мембрану и что таких пятен по всему Солнцу насчитывается уже больше сотни.

— Мембрана размером с Юпитер? — скептически сказал Григорий. — Ну и воображение у спецов.

— Много мы знаем о мембранах, — проворчал бельгиец.

— Послушайте, — пришла идея к Грише, — почему бы нам не спуститься пониже и не полюбоваться на эту... гм, мембрану вблизи?

— Я за! — вскинул руку парнишка в жёлтом комбинезончике, говорившем, что он полигендер.

— Я тоже, — неожиданно поддержала его фрау Эльвира.

— Не возражаете, господа?

Реплики сидящих в зале показали, что туристы согласны сделать ещё один шаг в пламенную бездну.

— Жозе, командуй!

— Капитан, народ просит зрелищ! — подхватил гид.

— Вообще-то нам уже поступил сигнал, — сообщил Кобол Чаужоглу. — Могут оштрафовать на кругленькую сумму.

— Мы оплатим! — объявила немка.

— Они оплатят, — сказал гид.

— А меня могут лишить лицензии.

— Капитан, раз уж мы зашли так далеко, давайте нырнём буквально на пару минут и тут же вернёмся на безопасную орбиту.

Повисла пауза. По-видимому, Чаужоглу испрашивал разрешения у служб безопасности доставить туристам радость нового приключения. Потом раздался его голос:

— Приготовьте съёмочную аппаратуру. Идём вниз пятнадцать минут, пять минут висим и возвращаемся.

Раздались аплодисменты. Туристы достали мобильные «ксияоми», собираясь устроить сеанс селфи на фоне солнечного пятна.

Не сделал этого только Терентий, которому стало не по себе.

Из рубки в зале визинга включили внешнее аудиосопровождение, и зал заполнили странные звуки: гул, визги, очереди стуков, вопли и даже чуть ли не человеческие голоса.

Яхта достигла высоты ста километров над плывущей поверхностью «щётки», замерла, покачиваясь.

Внезапно в зал ворвался густой хрипловатый баритон:

— Корыто с бортовым номером «сто тринадцать», куда лезете?! — говорили на русском языке. — Быстро назад! Зона закрыта для всех видов транспорта, кроме специального! Вас нет в журнале пропуска!

— Нас никто не предупредил, — ответил незнакомцу капитан Чаужоглу на турецком языке.

Очевидно, он врал, но ему и не оставалось ничего иного, потому что любое признание в данной ситуации имело нехорошие последствия. А подзаработать на туристах, согласных тратить цифровую валюту на адреналиновые переживания, он был не прочь.

— Немедленно возвращайтесь! — взревел какой-то начальник, обеспечивающий безопасность зоны контроля. — Даю десять секунд! Отсчёт пошёл!

— Сейчас, сейчас, уходим, — перешёл на русский Чаужоглу, хотя яхта всё ещё продолжала опускаться. —

Надо было вывесить предупреждающие знаки вокруг Солнца.

— Что вы сказали?! — изумился собеседник. — Шутите?! Это вам не астероид и даже не планета! Зонд, кстати, предупреждает все приближающиеся аппараты! Кто там у вас главный на корыте?! Сопровождающий маршал или кто ещё?!

— Полковник туристической службы транспортной безопасности Жозе Бартоломео, — откликнулся гид дребезжащим голосом.

Терентий с интересом посмотрел на смуглолицего парня, который явно говорил неправду: транспортные маршалы никогда не получали звание полковника.

— Вас что, не инструктировали перед туром?! — продолжал сотрудник контроля зоны. — Вокруг Солнца объявлена зона кодового доступа!

— Мы всего на минуту...

— Дьявол! Вас же на пару лет сошлют на марсианские рудники!

Гид вспотел.

— У меня на руках карт-бланш Всесолнечного Турсоюза...

— Да какой ещё карт-бланш?! Убирайтесь!

— Капитан... — начал Бартоломео, собираясь дать команду Чаужоглу всплывать, но не договорил.

Из недр исполинской «щётки» вырвалась вверх чёрная струйка, распалась на отдельные нитки, образовавшие сеточку, и та стремительно опутала начавший подниматься корабль.

Туристы с криками повскакали с мест, бросаясь из зала в коридор, создали пробку в проёме двери.

Григорий подскочил к француженке, схватил за руку:

— Бежим, Галочка!

Поднялся и Терентий, раздумывая, что делать. То ли бежать вслед за всеми в жилой сектор яхты, то ли оставаться в зале.

Сеточка чёрных линий между тем превратилась в подобие гигантской авоськи и понесла яхту вниз, вонзая в чашобу «ворсинок». Рывок был так силён, что с инерцией не справился даже гравитационный нейтрализатор.

Толпу туристов буквально вынесло в коридор. Закричали женщины, кто-то из мужчин выругался.

Терентия тоже зашвырнуло в погасший виом обзора, но на нём был «кокос», компьютер которого самостоятельно включил системы защиты, зарастил шлем и не дал владельцу разбиться о стойку бара. Тем не менее, когда молодой человек пришёл в себя, в зале уже никого не было, не считая вцепившихся в столики сервисных роботов. Терентий включил антиграв, прыгнул к двери, и в этот миг в стене зала разверзлась трещина, в которую ворвался огненный вихрь...

Локация 5

СОЛНЦЕ: ХРОМОСФЕРА

Дневная звезда, как принято называть Солнце, тяжелее Земли в триста тысяч раз. Несмотря на гигантское гравитационное поле, делающее внутреннее ядро Солнца достаточно плотным, плотнее любого металла, вследствие огромных размеров оно остаётся газовым шаром. Поэтому Солнце и другие звёзды, в общем-то, не имеют твёрдой поверхности. То есть поверхность Солнца — это свет. Но люди привыкли пользоваться привычными стандартными терминами и назвали «поверхностью Солнца» его фотосферу, где фотоны, испу-

щенные из ядра звезды¹, начинают двигаться свободно, не завихряясь в более плотные ячеи и гранулы. На этом ярком сетчато-ячеистом фоне хорошо видны отдельные пятна, сравнимые по размерам с Луной, а то и с Землёй, и группы пятен с температурой на двести-триста градусов Цельсия меньше температуры фотосферы. Именно к ним в первую очередь и начали присматриваться земные астрономы, а затем и члены экспедиции, получившие предварительные расчёты земных институтов.

«Победитель огня» вышел на орбиту вокруг Солнца через два дня после старта. Военному фрегату на это потребовалось бы всего три часа, но модуль не предназначался для гонок по Солнечной системе. Максимальная скорость, которую он мог набрать, равнялась половине скорости света.

На Меркурии решили не садиться. Станции, работающие на поверхности этой ближайшей к светилу планеты, ничего особенного в его поведении не отметили и подсказать какие-то ориентиры для базовой точки на орбите не могли. Капитан посоветовался с начальником экспедиции, какую высоту занять, и модуль подлетел к Солнцу ближе чем на два миллиона километров, окунувшись в его хромосферу. С этой высоты пятна на поверхности звезды были видны прекрасно.

Первыми же исследовать решили группы пятен ближе к южному полюсу Солнца, имевшие вид следов пуль, оставленных на шаре неким гигантским пистолетом. Всего же таких следов на светиле, вокруг которых температура солнечной плазмы падала на тысячу и больше градусов, насчитывалось две сотни, и к некоторым из

¹ Фотоны, испущенные при цепной реакции превращения водорода в гелий, добираются до поверхности Солнца за 30 000 лет.

них уже прилетели исследователи из других институтов Земли: Индии, Китая и США. Никогда ещё человечество не сталкивалось с феноменом «солнечных веснушек», понижающих температуру Солнца с непонятной целью. Высказывались разные мнения на этот счёт, но преобладала одна точка зрения: некий неведомый исполин просто откачивал плазму Солнца для своих нужд, что сопровождалось и падением температуры.

В связи с прогнозируемыми бедами Совбез ООН объявил земное светило зоной особого внимания, и к нему слетелись как пограничники, отвечающие за безопасность Солнечной системы, так и спасатели, потребность в которых резко увеличилась в связи с попытками многих молодёжных групп и туристов посетить зону. Первыми пострадавшими стали американские исследователи и российские спасатели год назад, когда было открыто первое «псевдопятно». Их корабли, опустившись на «щётку» пятна, просто исчезли. За год же после этого были пресечены десятки попыток полюбоваться на феномен вблизи со стороны частных туркомпаний и просто любителей экстрима, хотя несколько кораблей с экспедициями частных бизнес-компаний так и пропали без вести. Интерес к феномену «дойки Солнца» не пропадал и нынче, поэтому «Победитель огня» в данный момент действовал строго по инструкции СРАМ, готовый выполнить полученное от спецслужб России задание выяснить устроителя аттракциона с «дойкой».

Несколько часов солнцеход просто наматывал витки вокруг Солнца, выслушивая доклады наблюдателей двух десятков станций, вращающихся на разных орбитах.

Если температура поверхности на светиле, со всеми оговорками, равнялась почти шести тысячам градусов Цельсия, то температура хромосферы достигала миллионов градусов, что следовало учитывать при маневрах и

при включении систем датчиков, анализирующих все параметры Солнца.

На обследование ближайшего района с пятнами, получившего приоритет из-за их необычных конфигураций, ушло не больше часа. Компьютер солнцехода даром времени не терял, самостоятельно связываясь со всеми наблюдателями и астрофизическими центрами, чтобы определить главное пятно, подходящее под определение «консолидатора пятен», то есть центра управления всей структурой «агрегатов дойки плазмы», которые и должны были отсасывать плазму и куда-то её сбрасывать.

Физики на борту «Победителя огня» всё это время спорили до хрипоты, приводя аргументы в пользу той или иной гипотезы, но в конце концов все начали склоняться к единому мнению: неизвестный науке феномен, отзывающийся потерей массы звезды не по традиционным теориям, является комплексом искусственных сооружений, принадлежащих какой-то неизвестной цивилизации.

Пока солнцеход маневрировал, прицеливаясь к пятну, начальник экспедиции Сулеймен Ковальчук, специалист в области термоядерных реакций, снова созвал совещание, чтобы обсудить возникшие в связи с отсутствием результата проблемы. Приближался момент посылки на Землю отчёта о проделанной работе, а похвастать было нечем. К тому же напрягали гости: к Солнцу на корабле «Талиянг ян шу» (в переводе — «Солнечный крот») прибыла вторая китайская делегация, попросившая российских учёных поделиться информацией. Ковальчук бодро сообщил китайцам об отсутствии позитива, и «Солнечный крот» скрылся из виду. Что собирался делать капитан модуля, осталось неизвестным. В свою очередь китайцы делиться данными с российскими физиками не стали, но их присутствие напрягало.

Совещание по интеркому длилось не больше пяти минут. В конце концов решили не спешить с посадкой на пятно и продолжать обследование района пятен, направляя всю имеющуюся на борту аппаратуру. И тут идею подал Илья Остроумов, наблюдавший за дискуссией из своей каюты.

— Товарищи академики, — сказал он, — разрешите маленькое уточнение?

— Без церемоний, товарищ майор, — сказал Ковальчук, нравившийся Флоре за мягкость и внимательность к коллегам.

— Возможно, я чего-то не понимаю в теории солнечного излучения, но раз температура на дне пятен понижена, эффект утечки энергии существует.

— У вас появились сомнения? — хмыкнул Римас Цилинский, физик из сибирского филиала Академии наук.

— Хочу предложить объяснение.

— Причина этого эффекта основана на вполне объяснимых физических взаимодействиях.

— А если мы ошибаемся? Что, если те, кто решил отсасывать плазму Солнца, просто решили использовать пятна в качестве порталов?

Система связи разнесла по отсекам реплики пассажиров, весёлые и не очень.

— Мы дистанционно изучили почти все системы пятен, — сказал Ковальчук, — и не заметили никаких порталов, сооружений и конструкций.

— Но что, если доильщики Солнца владеют технологиями, которые нами воспринимаются как естественные процессы? Никакие материалы на поверхности Солнца не выдержат таких температур, то есть для защиты аппаратов необходимо использовать полевые конфигурации. Точно так же используем силовые экраны и мы, укрывая свои конструкции от солнечного излучения.

По отсекам снова разнёсся говорок специалистов, принявшихся обсуждать слова Ильи.

— Коллеги, товарищи, не все сразу, — дружелюбно сказал Ковальчук. — Давайте дослушаем. Продолжайте, товарищ майор.

— Таким образом, мы просто не обращаем внимания на кажущиеся нам обычными процессы в пятнах. Мы уже решили, что если все пятна соединены в систему откачки плазмы, то где-то на Солнце должен находиться координационный центр этого безобразия. Кто-то обязан управлять всем процессом. Есть хотя бы намёки на существование такого центра?

Отсеками завладела тишина. Потом заговорил Цилинский:

— По всей поверхности Солнца разбросано двести тринадцать пятен, подходящих для признания их терминалами откачки плазмы. Мы как раз висим над группой пятен, где одно из них крупнее всех остальных. Может быть, это и есть центр?

— Координационный центр не обязателен, — добавил Ковальчук. — Каждый портал может управляться самостоятельно. Однако в случае непредвиденных осложнений или поломки агрегата должна сработать аварийная система, и для этого по-любому нужна наблюдательная миссия, контролирующая систему.

— То есть надо идти в фотосферу, — сказал озабоченно капитан «Победителя».

Новый взрыв голосов эмоционально возвестил об отношении учёных к речи капитана.

Флора, занимавшая в данный момент кресло в своей каюте, переключила линию связи на личный канал и показала Остроумову большой палец.

— Хорошая идея — с центром! Даже обидно, что она пришла в голову не мне.

— Шутите, командир? — смутился Остроумов.